

ЕПАЛЬСКИЙ поэт Бхупи Шерчан — удивительный человек. В свои 38 лет он по-стариковски мудр и вместе с тем обладает юношеской непосредственностью. Вероятно, поэтому в его стихах эмоциональность восприятия сочетается с трезвым анализом, а истинно детская радость открытия мира отягощена усталостью познавшего жизненные трудности зрелого человека. Но, пожалуй, самое удивительное в том, что Бхупи равно почитают и патриархи современной непальской поэзии, и его сверстники, и поэтическая молодежь самых различных направлений.

В чем же секрет популярности Бхупи? Он, несомненно, в подлинной народности творчества поэта, точнее, в тех ее аспектах, которые приобретают ныне особую актуальность в литературах развивающихся стран Востока. Это, во-первых, реализуемое в творчестве понимание народных нужд, потребностей сегодняшнего дня страны и, во-вторых, стремление найти общий язык со своими соотечественниками, быть понятным и близким своему народу идеей, поэтическим языком и формой.

Быть одновременно и народным и новым поэтом по плечу немногим. Бхупи это удается. Удастся благодаря огромному заряду патриотизма и гражданственности, который он пронес через многие испытания, и, конечно же, благодаря поэтическому таланту. Именно талант определил меру традиционного и нового, оказавшуюся органичной для непальского стиха. Поэт чутко улавливает пульс мировой поэзии, реагирует на изменения ее структуры, оставаясь глубоко национальным непальским поэтом.

Бхупи Шерчан, вступивший на творческий путь в конце 50-х годов, оказался на рубеже двух поэтических эпох. 50-е годы в поэтической жизни Непала были периодом романтического подъема, ожидания социальных перемен, которыми жил непальский народ после ликвидации деспотического режима Рана.

Иную картину наблюдаем мы в 60-е годы, когда в стране обострилась социально-политическая ситуация, усложнился духовный мир современника. В поэзии появляются тенденции к разобщению, отчуждению. В это время все отчетливее выступает новая поэзия. У многих представителей этого направления, придерживающихся реалистических позиций, несогласие с существующим миропорядком выражается в острокритическом, подчеркнуто «беспопадном» отношении к действительности. Новы-

ми именуют себя и молодые поэты, чье творчество развивается в русле западного модернизма. Эта тяготеющая к фрейдистским и экзистенциалистским воззрениям поэтическая молодежь, особенно ее крайнее модернистское крыло — группа Ральфов, — сосредоточивается на подсознании индивидуума, давая волю его бунтарским проявлениям против любых идеологических доктрин, любой госу-

согреться, он натянул на себя старую газету... Картина не новая ни для непальской действительности, ни для непальской поэзии. Однако если раньше стихи о несчастных, особенно сильно страдавших в зимние холода, венчали строки вроде следующих: «Сильнее холод и злее, но кто бедняка пожалует?», то Бхупи заканчивает свое стихотворение совсем в ином ключе:

СЕКРЕТ ПОПУЛЯРНОСТИ

Л. АГАНИНА

Кандидат
филологических наук

дарственности, короче, всего того, что «подавляет внутреннюю свободу» личности. Холодом, безнадежностью веет от этой, насыщенной чуждыми идеями и взглядами, зашифрованной для восприятия поэзии. Правда, несмотря на заявления о разрыве всяческих национальных связей, Ральфы тоскуют по общению с широкой аудиторией. Надо думать, именно поэтому является для них эталоном творческий опыт Бхупи — нового поэта, стихи которого сохраняют обаяние для всех непальцев.

Бхупи Шерчан, несомненно, принадлежит к тем новым поэтам, кто, критически воспринимая действительность, не позволяет себе впадать в отчаяние. В интервью, взятом у него непальским журналистом в 1968 году, Бхупи очень четко определил свою творческую платформу: «Даже если действительность поистине трагична, художник не имеет права впадать в пессимизм». «Поэзия Бхупи — хорошее противоядие против чувства горечи и разочарования, которое рождает наша жизнь», — пишет известный непальский критик Танахарма.

В отличие от модернистской группы новых поэтов, которые отрицают будущее с той же категоричностью, как и прошлое, Бхупи видит перспективу. Ее не заслоняют никакие удручающие свидетельства настоящего. Бездомный мальчуган спит на грязной мешковине, разостланной на тротуаре главной улицы столицы Нагасарак. Чтобы хоть как-нибудь

Спи, мальчуган мой, спи,
Спи, быстроглазый, спи,
Спи, махараджа, спи,
Настанет такое время,
Когда эта ветхая мешковина
Вместе с потрепанной,
пожелтелой газетой
Будут выставлены в музей
Рядом с достижениями
непобедимого Калупандея,
А историк напишет:
— Это было давным-давно,
В ту пору и сам Непал был
подобен
старой газете...

«Ни печали, ни тревоги, ни насилья, ни черные тучи депрессии не убили в Бхупи чувства высокой человечности», — свидетельствует непальская критика. Гуманизм поэта обладает особенно ценным для нынешнего времени качеством — стихи Бхупи внушают человеку веру в его «духовное и интеллектуальное величие».

«Маленькие люди» — представители средних классов, чьи «лица — прошения, поданные начальству», кому «жены на тарелках подают иронию», не вызывают у Бхупи желания оплакать их долю. Сам выходец из этой среды, поэт негодует, видя, как их жалкая участь делает жалкой, зависимой самую человеческую натуру, лишает ее цельности, стойкости, величия, присущих простому человеку.

Калупандей — военачальник, один из национальных героев непальского народа.

Для Бхупи далеко не безразличен внутренний мир индивидуальности. Но обращается он к отдельной личности, этапам ее жизненного становления для осознания сложности ее общественного бытия. Поэтому наблюдения над внутренним миром человека являются лишь поводом для исполненных глубокого социального смысла обобщений.

Бхупи — новый поэт, и потому его стихам присущи новые принципы формотворчества. В поэтике Бхупи мы наблюдаем и сдвиги образной системы, ориентацию на иные ассоциативные связи, и наличие иноязычной научно-технической лексики, и свободное обращение со строкой. Вот весьма характерный в этом смысле отрывок из уже упоминавшегося стихотворения «Бездомному мальчугану»:

Будто на неудержимой ракете
Выброшен был этот мальчик
в космическую неизвестность.
Без скафандра,
Без кислородной маски,
Но все-таки выжил —
вышел благополучно
Из состояния невесомости,
В ней очутившись
по воле безвестных родителей,
И приземлился
На тротуаре улицы Наясарак
В изорванном парашюте
своих лохмотьев...

Однако новые поэтические измерения не вступили в противоречие с темами, которые характерны для творчества поэта-гражданина. Бхупи не хочет мириться с убожеством, несправедливостью жизни, ущербностью сознания своих соотечественников, вызываемой ныне «психологическим колониализмом». Но поэт близок своему народу не только этим. Он, прямой продолжатель народных поэтических традиций, сумел объединить интеллектуальность, новые принципы стихосложения с фольклорными, песенными. Поэтому то легкая прозрачность метафор, связанных с миром природы, характерная для его лирики, сменяется нарочито утяжеленными образами, вырастающими на урбанистической почве, четкая ритмическая организация стиха уступает место сознательной небрежности в построении строки. От народной песни у Бхупи и доведенные им до совершенства такие качества стиха, как лаконичность, отточенность языка, емкость поэтического образа. Сквозной образ присущ не только коротким фрагментам Бхупи. На одном поэтическом дыхании произносится большинство его лирических стихотворений.

Бхупи свойственно в любом жизненном явлении увидеть нечто неожиданно поэтичное и вместе с тем очень простое и непосредственное по своим ассоциациям:

С балкона, лицо наклонив стыдливо,
Мне посылаешь
украдкой ты свой
привет —
Голубя нежных,
сложенных вместе
ладоней

— так, например, воспринимает взор поэта традиционное приветствие «намасте». Неудивительно, что поэзия Бхупи давно уже стала источником, к которому обращаются многие его современники и особенно младшие собратья по перу, стремящиеся так или иначе обыграть в собственных строках образные открытия мэтра.

Таков Бхупи Шерчан — поэт, пользующийся всеобщим признанием. Было бы неверно представлять его творческий путь как прямую восходящую линию. И он не избежал искушения изображать действительность проще, чем на самом деле, и тогда стихи его превращались в лозунги и декларации. И ему были присущи сомнения, колебания, неуверенность, и тогда лирический герой его поэзии оказывался «слепцом, которого силой усадили на крутящийся стул...». Однако в отличие от других, он никогда не уставал смотреть вперед, потому так отчетлив в его стихах мотив действия,

активности, потому даже в самые тяжелые периоды поэта не устранила позиция постороннего...

Несколько месяцев назад мне довелось быть гостем в его доме в Катманду. Одним из главных вопросов, который живо обсуждался всеми присутствовавшими, был, естественно, вопрос о судьбах непальской поэзии. «Я убежден, — сказал Бхупи, — что литератор, как и литература в целом, имеет перспективы развития только при условии контактов с широким читателем. Я лично сейчас больше всего думаю о том, как сделать новое в поэзии доступным непальскому восприятию. Разумеется, будущее за литературой, которая не остается в стороне от проблем, близких непальскому народу, равно как и от проблем, волнующих все человечество».

Мы показали, как велика «ответственность перед родной землей» у самого Бхупи. Недавно в Непале были опубликованы его стихи «Бессмертному герою Сальвадору Альенде», продемонстрировавшие с новой силой высокое чувство интернационализма и тот удивительный оптимизм, веру в торжество великих идей, в торжество справедливости, которые отличают творчество поэта.

Сейчас Бхупи Шерчан в расцвете сил. И хотя он не ищет легкой славы, популярность его продолжает расти. Впереди у талантливого поэта, несомненно, большие творческие свершения, и залогом тому плодотворные поиски общего языка с современниками.

Поэзия мысли

В ГДР вышла в свет антология древнеиндийской афористической поэзии, подготовленная литературоведом и переводчиком Роландом Беером. Опираясь на известное трехтомное собрание афористической поэзии одного из классиков европейской индологии, члена Российской Академии наук Отто Бетлинга, изданное в 1870—1873 годах, а также на некоторые другие собрания, составитель и переводчик отобрал 715 афористических стихотворений. Удачно сделанный отбор позволил представить читателю и те стихотворения, которые вошли в классическую литературу из сокровищницы фольклора, и те, которые, будучи созданы классиками, стали достоянием народа.

Оформленная с большим вкусом индийскими народными орнаментально-символическими рисунками, эта небольшая антология — ценное добавление к европейским переводам индийской классики.

И. СЕРЕБРЯКОВ

Indische Spruchweisheit, Klugreden, Hofsprüche und Wahrworte aus dem Sanskrit, Weimar, 1974.